

Журнал «Иностранная литература» опубликовал в этом году эссе нового Нобелевского лауреата Октавио Паса о Борисе Пастернаке — прекрасный и к тому же первый на русском языке образец философско-эстетического творчества замечательного поэта Мексики. В ближайшей перспективе — крупная журнальная публикация сборного характера (стихи и эссеистика О. Паса), а также авторский том в приложении к «Иностранной литературе».

Предлагаемая беседа первого заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература» Николая Анастасьева с этим выдающимся деятелем современной мировой культуры послужит, думается, более близкому знакомству с ним.

Н. А. Уважаемый мэтр, поздравляю с наградой. Ваших поклонников — и в Мексике, и в Европе, и в России — она истинно обрадовала. Но сами-то вы рады? Надеюсь, вопрос вас не удивит, ибо вот что можно прочитать в одном тридцатилетней давности эссе, нарисованном по сходному поводу: «Газеты сообщили, что Борису Пастернаку присуждена Нобелевская премия. Это меня не обрадовало... То, что случилось позднее, подтвердило мои опасения. Живаго и Лариса, их любовь и страдания, их самые сокровенные слова и мечты превратились в «аргументы» — «за» либо «против» той или иной тенденции... Художественное произведение было низведено до уровня сектантского памфлета... Книга, вымоленная и означенная столькими восхитительными стихотворениями, книга, написанная как завещание и акт веры, книга, в которой речь идет о самой нашей жизни, потому что она — непревзойденное объяснение стона, плача и поцелуя, эта книга превращена в еще один эпизод «холодной войны». Таково духовное состояние современного общества».

Полагаю, узнаете собственный текст? Итак, повторяю вопрос: рады премии? Не опасаетесь ли, что она тоже может стать поводом для политических пересудов? Ведь и ваши сочинения не раз использовались как аргумент в партийной борьбе.

О. П. Достоинство премии заключается в том, что она расширяет читательский круг. А кто того не желает? Не верю в поств-нарциссов, довольствующихся созерцанием собственного отражения. Но популярность имеет и теневую сторону. Реклама опасна вообще, а для поэзии — вдвойне. Быть может, сам того не замечая, поэт подпадает под власть читательского вкуса. А тирания вкуса ничуть не менее страшна, чем любая другая тирания.

Теперь по поводу аналогии с Пастернаком. Думаю, мой случай все же иной — политика здесь не замешана. Я не могу сказать, что в Мексике сейчас нет политической борьбы — есть. Но ведется она в формах несравненно более цивилизованных, нежели еще несколько лет назад. Кстати, если уж вспомнить прошлое, то за эссе о Пастернаке на меня ожесточенно нападали и слева, и справа. Никому не понравилось мое утверждение, что «Живаго» стоит за пределами идеологии.

Н. А. Вы действительно так считаете? То есть я имею в виду не просто один, пусть даже замечательный роман, но вообще систему взаимоотношений культуры и идеологии. По-моему, сейчас грань между ними становится все более размытой. В моей стране писатели, художники, киноактеры, очертя голову, кинулись в политику, словно решив, что театр, живопись, литература подожгут. Правит бал публицистика. Впрочем, такая ангажированность, если вспомнить давний термин Сартра, и для Латинской Америки совсем не новость. Чтобы далеко не ходить за примерами, мог бы опять сослаться на Октавио Паса. Стало быть, положение изменилось? Если так, то я от души это приветствую, ибо, наблюдая за тем, что происходит дома, со все большим сочувствием вспоминаю слова Чехова: «Большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно оборотиться от нее».

О. П. Боюсь, вы меня не так

Октавио ПАС:

КУЛЬТУРА ПРИВЕДЕТ МИР К СОГЛАСИЮ

Известия-1990
- 7 дек. - с. 7

поняли. Да и ссылка на авторитет сомнительна. Сколько помнится, Чехов написал «Сахалин» — книгу, представляющую, на мой взгляд, откровенный политический жест.

Да, разумеется, писатель прежде всего принадлежит литературе и его главный долг — наилучшим образом делать свое дело. То есть писать так хорошо, как он только может. И все равно не могу понять, как можно оставаться совершенно в стороне от политики. Да и не бывает так. Даже Пруст, этот утонченный эстет, пребывая в своей обитой изнутри пробкой комнате, живо откликнулся на дело Дрейфуса. А случаются времена, когда история особенно властно возмущает художника в свой поток. Скажем, едва ли не все великие романтики были активнейшими участниками политической жизни. XX век предвзвиз с этой точки зрения особенно суровые требования. Я думаю о судьбе многих советских писателей, которых ломал тоталитарный социализм. Я думаю в этой связи и об Андрее Сахарове — борце и светлом мученике совести.

Я как-то написал, что диссиденты — русские, поляки, чехи, кубинцы, а также интеллектуалы других стран Латинской Америки, например, Чили, — олицетворяют честь XX столетия. Сегодня могу лишь повторить это. Если позволено будет обратиться к собственному опыту, то да, и я тоже — писатель, подверженный политическим страстям. А как иначе? Во-первых, у меня на глазах прошел едва ли не весь век с его грозными и жестокими потрясениями, а во-вторых, я родом из Латинской Америки и всегда считал своим долгом бороться против диктаторских режимов в защиту демократических традиций.

Н. А. Да разве же я пытаюсь увлечь вас в башню из слоновой кости? Упаси бог. К тому же это одно дело — власть истории — кто от нее свободен? — а другое — агрессия и амбиции политики. Впрочем, двинемся дальше. Приближается 500-летие открытия Америки. По обе стороны океана об этом событии сейчас напряженно размышляют, появляются статьи, книги. Одни говорят, что сделан был гигантский шаг в развитии цивилизации и культуры. Другие — особенно здесь, в Новом Свете, — высказываются в том роде, что путешествие Колумба положило начало эпохе насилия и геноцида. Что вы думаете по этому поводу?

О. П. Вот проблема, не имеющая односложного решения. Да, были разрушены, причем с беспримерной жестокостью, великие цивилизации. Да, объектом преследований, порабощения стали целые народы. Но ведь и от того никуда не уйдешь, что

мир впервые обрел полноту. В течение тысячелетий американские индейцы и Европа просто не знали друг друга. Конкиста же стала прорывом, был переброшен мост через океан, завершился длительный процесс объединения человеческого рода. Вот почему я думаю, что при всех ужасах, при всей пролитой крови, открытие Америки следует оценивать как факт исключи-

сверхиндивидуален, он есть преодоление индивидуальности, и потому являет собой прорыв в сторону всеобщности. В этом смысле поэт — невольник языка.

Н. А. Обратимся к литературе Латинской Америки. Подтверждает ли ее опыт мысль о сверхиндивидуальном языке поэзии? Разделяете ли вы, в частности, распространенное суждение, согласно которому так называемый магический реализм вырос на пересечении индейского фольклора и европейского модернизма?

О. П. На мой взгляд, значение этого явления — нативизма — как такового в нашей литературе сильно преувеличено. Заметьте, сам интерес к корням, к мифу был в значительной степени подогрет известными явлениями международной культуры. Я имею в виду как раз то, о чем вы говорите, — модернизм. Ведь и литература, и живопись, и музыка модерна активно используют язык и формы народной культуры. Иное дело, что пропорции складываются неодинаково. В литературе есть язык села, в нем прежде всего слышны отголоски древних верований. И есть язык города — язык, условно говоря, современный. Себя я считаю поэтом города. Потому с таким интересом я читаю Маяковского, а также Уитмена, которого я назвал бы великим дедом всего нашего поколения.

Н. А. Мы начали с имени русского поэта, под конец в Россию возвращаемся. Пастернак, Маяковский... Кто еще вам близок в русской традиции?

О. П. Если говорить о чисто писательской стороне дела, то неутраченная страсть — Достоевский. Люблю Мандельштама, которого читал в переводах Рене Шара. А в более широком смысле моя русская традиция это традиция либерализма: Герцен — Чехов — Сахаров. Вот почему я двойственно отношусь к Солженицыну. В моральном смысле у всех у нас перед ним огромный долг. Это человек несравненного мужества и интеллектуальной честности. В то же время для меня лично многое в его позиции неприемлемо. Я всегда противостоял тому, что у вас называется славянофильством. В Мексике тоже есть сходные явления. А как писатель Солженицын, по-моему, во многом принадлежит прошлому.

Н. А. А о Набокове что скажете?

О. П. О, как мастером я им восхищаюсь. Но многие его идеи, и в частности идея сверхнациональной культуры, кажутся мне сомнительными. К тому же я с подозрением отношусь к писателям-этномологам: у них слишком специфический взгляд на своих персонажей.

Н. А. Ну и последний вопрос. Не за горами новое тысячелетие, и уже сама магия круглых чисел воздействует неотразимо. Что ждет нас впереди? И какая роль назначена культуре?

О. П. Я думаю, что главная проблема XXI века — создание космополитического общества, каковое, разумеется, вовсе не будет означать вавилонского смешения, растворения друг в друге языков, религий, философий. Просто каждый осознает собственную необходимость в едином мире.

Мешают этому творчески плодотворному движению национализм и религиозный фанатизм. Это страшное зло. Ему-то и должна противостоять культура. Разумеется, художественный дар еще не есть залог безгрешности. Литература — это вообще не райская обитель. Француз Луи Селин и американец Эзра Паунд — выдающиеся мастера, но в моральном смысле их поведение в годы фашизма кажется мне чудовищным.

И все же я настаиваю: культура — это сила, способная привести мир к согласию.

тельного исторического значения. Не надо только забывать, что люди остаются людьми, когда помнят, ценят, уважают и единство свое, и право на незыблемую особость.

Но мне, признаться, хотелось бы поговорить и о литературе.

Н. А. Мне тоже. Известный прозаик-постмодернист Джон Барт обронил как-то, что великий американский роман — это «Человек без свойств» австрийского писателя Роберта Музиля. Понятно, что это эпитафия. Но только по форме выражения. По существу же, насколько я понимаю, Барт говорит о том, что национальные черты — дело второстепенное, они стираются во всемирной метафизике литературы. Ту же мысль, причем куда более определенно, многократно высказывал и Владимир Набоков. Вы с нею согласны?

О. П. Литература — это прежде всего язык. «Человек без свойств» написан по-немецки, и уже по этой причине не может принадлежать англосаксонской литературной традиции. Тем самым я вовсе не хочу сказать, будто литературе чужды объединяющие устремления. Иногда они выступают в форме, я бы сказал, наивной: писатель использует пейзаж и быт иной страны. Но органически вжиться трудно, и часто получается искусственность. Скажем, Мексика в романе Д. Х. Лоренса «Пернатый змей» — это декоративная, олеографическая, несуществующая Мексика.

Нет, универсальность художественной литературы проявляется по-настоящему в иных формах. Прежде всего в формах крупных течений, которые всегда имеют международный характер. Достаточно вспомнить барокко, классицизм, романтизм. Но здесь есть тонкая диалектика. Универсальность в культуре — совсем не то же, что универсальность в математике. Любой крупный художник и подражает, и укрепляет своим творчеством эту универсальность. Язык его индивидуален и в этом смысле враждебен любому единству. Но он также и